

РУССКИЕ ПИНКЕРТОНЫ

(Сборник шпионских романов)

ГОРОДЕЦ

ФЛЮИД

Москва, 2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2 Рос-Рус)
P89

Составитель серии *А. Лидин*

В книге использованы иллюстрации из
журналов 20-30 годов XX века

P89 Русские пинкертонеры (сборник). — М.: ИД «Городец-Флюид», 2020. — 448 с.

Данный сборник включает в себя шпионские романы начала XX века, и если первый из романов «Тайна и кровь» Петра Пильского (1897 — 1941) во многом созвучен с написанным много позже «Конем вороным» Бориса Савинкова, то шпионский роман Николая Шебуева (1874 — 1937) «В сетях шпионажа» отчасти пародирует штампы уголовных романов, популярных в конце XIX — начале XX века, а третий роман «Саквояж крокодиловой кожи» Бориса Олидорта (1893 — 1939) принадлежит к ныне малоизвестному литературному направлению «Красные Пинкертонеры» и написан в манере изданий начала XX века («Нэт Пинкертон — король сыщиков» и «Ник Картер — американский Шерлок Холмс»).

ISBN 978-5-907220-07-2

© ИД «Городец-Флюид», 2020

Петр ПИЛЬСКИЙ

ТАЙНА И КРОВЬ

(Шпионский роман)

Глава 1

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ УБИЙСТВА АНГЛИЙСКОГО ОФИЦЕРА

НАКАНУНЕ УБИЛИ АНГЛИЙСКОГО офицера. Видимо, никто не хотел скрывать преступления, хотя это было без всякого сомнения убийство. Оказалось, что убитый английский офицер служил в иностранной контрразведке. Об этом и шел разговор в кабинете адвоката Любарского.

В тот день я попал к нему в первый раз. Впрочем, мы были давними знакомыми, и его приглашение мне не могло показаться мне неожиданностью. Знал я и трех других его гостей.

Один, высокий и полный гражданский инженер, был его шурином. Другой, сутулый, бескровный, чахоточного вида человек, бывший петербургский адвокат, считался давним приятелем хозяина, его политическим единомышленником, и оба они когда-то вместе участвовали в сложных и громких судебных процессах.

Но одного из присутствующих я не знал. Мне не приходилось его встречать ни у знакомых, ни в театрах, ни на улице. Сначала я не обратил на него внимания. Может быть, потому, что он сидел в темном углу большого кожаного дивана и молчал.

Только когда зажгли лампы, я смог рассмотреть его. С первого же взгляда мне стало ясно, что он очень

нервничает. Левый мускул его лица подергивался, чуть-чуть дрожали руки, и во всей фигуре ощущалась внутренняя борьба, то усиленное напряжение, которое должны делать над собой люди, привыкшие собою управлять, побеждать тревогу, выращивать и лелеять нелегкие приемы внешнего спокойствия и скрытности.

Разговор шел об убитом англичанине. Хотя об этом сейчас писали все газеты. Его имя было знакомо Любарскому. По-видимому, он что-то знал и о его деятельности. Во всяком случае, никто из нас не сомневался в том, что убитый был, действительно, контрразведчиком.

Пуская из-под седеющих усов дым сигары, глубоко забившись в недра стеганого кожаного кресла, заложив ногу на ногу и уставившись куда-то в потолок, сутулый экс-адвокат неспешно разглагольствовал:

— А все-таки это замечательно... Удивительный человек! Какой нужен характер, чтобы решиться на такую работу. Вы только подумайте: избрать постоянной профессией разведку! Что вы хотите, но для этого нужно быть каким-то сверхчеловеком...

— Ну, сел на любимого конька, — расплываясь в доброй, дружеской улыбке, заметил Любарский и провел рукой по своей большой голове, подстриженной бобриком и оттого похожей на щетку. — Какое тут сверхчеловечество! Просто специальность. Да и мало ли опасных профессий? Если рассуждать так, как ты, то всякий храбрый солдат, пожалуй, окажется сверхчеловеком.

— Но разве можно сравнить! У солдата — открытая работа: в руках — оружие, сверху — приказ, сзади — подмога, впереди — враг, в результате — победа или поражение. Все просто. Нет, это совсем другое дело. Солдат — миллионы. Но когда же ты видел живого контрразведчика?

При этих словах Любарский вдруг захохотал, ударил себя ладонью по колену и с какой-то странной, торжествующей радостью воскликнул:

— Да не только я, но и ты собственными глазами видел и говорил с настоящим, испытанным представителем этой «сверхчеловеческой» профессии.

Я невольно взглянул на незнакомца.

— Ну, что там таиться от своих! В этом кабинете секретов нет. Михаил Иванович занимается контрразведкой много лет и потратил много сил...

Мы все еще раз взглянули в сторону Михаила Ивановича. Он передернул плечами.

— Да, немало...

— Что же вы скажете, Михаил Иванович? Сверхчеловеческая это работа или нет?

— Как сказать... По затрате нервных сил, пожалуй, и сверхчеловеческая.

Он произнес это медленно, его голос звучал глухо и твердо, и голубые глаза казались серо-стальными.

«А ведь ты можешь и задушить, — мелькнуло у меня в голове. В ту же минуту он взглянул на меня, и мне внезапно показалось, будто его глаза сказали: — Конечно. Я еще и не то могу».

Впрочем, и эта мысль, и этот быстрый короткий ответ во взгляде стальных глаз промелькнули менее чем в секунду, но душевный трепет остался.

— Страшно? — спросил я без интонаций и сейчас же понял, что это был не вопрос, а мое собственное признание: это мне было страшно.

Левая скула бритого лица дрогнула, словно человек хотел улыбнуться, но у него это получилось.

— Не то слово, — отозвался он глухо. — Да, не то. Страшно бывает от внезапного события. Страшно то, чего не ждешь... А при такой профессии постоянно ждешь чего угодно.

Хозяин поторопился разъяснить нам специальность Михаила Ивановича:

— Ведь он служил в контрразведке свои лучшие годы, а то были страшные годы гражданской войны. Вообразите себе белогвардейца в стане большевиков...

— Вы служили у них? — спросил высокий полный инженер.

— Ну конечно! В этом и вся прелесть. Тут главной задачей было заставить их поверить в свою преданность. Без этого я не мог бы сделать ни одного шага. Уж, конечно, я не имел бы возможности столько раз переходить границу.

— Михаил Иванович переносил через границу мобилизационные планы, — снова объяснил хозяин.

— Да, походить пришлось... И вот тут-то, на границе, с этой предательской ношей, действительно, приходилось... трудно. Все время находиться на грани смерти. Ведь шла двойная игра. Надо было жить в двух масках. Одна маска выражала преданность, готовность на самопожертвование, идейный героизм. Другая изображала торжествующую, мефистофельскую улыбку. Собственно говоря, я постоянно был в напряжении, как сильно натянутая струна. Да, теперь, когда оглядываюсь назад, сам не верю, что все это происходило на самом деле, — Михаил Иванович встал и в волнении зашагал по комнате. — Бывало, стоишь в штабе навтыяжку, следишь, как палец ненавистной руки чертит схемы на карте, слушаешь, как тебе внушают: «Необходимо получить точные сведения именно об этом районе неприятельских действий»... Неприятельских!.. Это они-то для меня — «неприятели». А голос продолжает вещать: «Вы должны глубже войти в доверие! Не брезгуйте ничем! Пускайте в ход все средства! Если нужно — подкупайте! Швыряйтесь деньгами! Понадобится — спаивайте! Входите в любовные связи с их женщинами! Проникайте в письменные столы, в служебные шкафы, но главное — в души, в сердца, в доверие! Опутывайте олками нужных людей! А чтобы в вас не сомневались, прикидывайтесь другом и единомышленником. В доказательство представляйте эти планы. Говорите, что вы их выкрали через вашу секретную агентуру...» Это мне-то нужно было «прикидываться» их единомышленником!

Но — ничего. Молчание! Молчание! Выдержка! Спокойствие! Подлый голос, посылающий на предательство, смолк. Карту мне вручили. Прячу ее, деньги, паспорт — и на границу. Конечно, тут уже — последняя ставка: или пан, или пропал...

— А вы утверждали, что в этой профессии нет страшного... — проронил сутулый адвокат чахоточного вида.

— Да, страшного не было. Это были минуты великого азарта. Все нервы натянуты, как струны, до того, что, кажется, готовы скрипеть зубы, и кулаки сжаты для железного удара. Нет, тут — не страх. Если же вы непременно ищете в этой профессии ощущение, напоминающее страх, то извольте. Но и тут это слово «страх» все-таки будет неточным. Это чувство — или, скорей, его подобие — бывало вовсе не от готовящейся встречи с установленным, определенным врагом. Разумеется, в душе контрразведчика всегда живет боязнь быть опознанным. В этой работе вы в любую минуту можете быть расшифрованы, а тогда все кончено. Понятно, конец один: пытки и смерть. Но хуже всего то, что каждый из нас целой паутиной связей неразрывно спутан и соединен с многими людьми, с организациями, с резидентом, агентами, конспираторами, передатчиками. Разоблачен один — гибнут десятки. А в этой работе везде — одно и то же, одно правило и один закон: кто наблюдает, за тем наблюдают. Разведчик всегда висит над пропастью. Один неверный шаг, иногда жест, иногда одно лишнее слово — кончено! Притом вы сами можете вести себя совершенно безукоризненно и все-таки провалиться. Все зависит от тех, кто работает с вами. Тут все — начеку. Вероятно, так себя чувствует волк, попавший ночью в деревню. Все тихо, все еще спят; кажется, ничто не угрожает, но миг один — и вот вдруг сбоку, спереди, сзади выскочат собаки с оскаленными мордами, люди с цепями и кольями, закричат, окружают, и нет ни выхода, ни спасенья. Опасная штука!

Михаил Иванович остановился посреди комнаты, опустил руки в карманы, несколько раз покачался на каблуках и носках и, словно хотел вновь заглянуть в глаза самой опасности, самой смерти, слегка сощурился, продолжал:

— Каждый из нас как фонарь, освещает дорогу своим, но порыв ветра — и свет потух! А ведь кругом, действительно, — мрак. Попав в темную зону, очень трудно отличить своего от чужого и предателя от друга...

Он вдруг выпрямился и крепко стал бить себя в грудь. Звонкий звук. Здоровая грудь! Вот когда, наконец, я рассмотрел суть этого человека — кривящиеся губы, бритое лицо, на котором смешались выражения презрения, голод хищничества, холодное упорство фанатика и неумолимое зло, — и снова мне вспомнилось: «Ты можешь задушить... ты душил».

Глухой голос наливался гневом:

— Предатели!.. Где их нет? Были и у нас... Ах, какой ужас узнать, что друг, близкий тебе человек, которому ты доверял, как себе, тот, кто знал твои тайны, тот, кто казался героем, на кого ты готов был молиться, лучший и самый почетный член организации... предатель! Вот кошмар, который постоянно преследует тебя! Вот когда сердце обливается кровью! Вот когда чувствуешь себя дураком и мстителем, одновременно ослом и тигром. Это не понять, не испытать на себе! Только тогда поймешь этот страшный, огненный край последней бездны неведения во все. Знаете ли вы, что в нашем деле нужно соблюдать конспирацию? Дьявольскую конспирацию! Ничего человеческого! Ты должен помнить, что у тебя больше нет ни отца, ни матери, ни невесты, ни сестры, ни жены. Все могут предать. И, действительно, все предадут. Все, без исключения...

— Неужели предадут все? — недоверчиво переспросил чахоточный адвокат.

Лицо Михаила Ивановича дергалось от нервного тика, взгляд серых стальных глаз был настороженным:

— В том-то и дело, что не все предают. Если б все предавали, не о чем было бы и говорить и некому было верить. Но могут предать. Это раз. А иные уже предали. Ведь и в нашей организации бывают люди, носящие тоже две маски. Тут игра крапленой колодой, и у всех есть шанс, все рискуют, блефуют и... ну, и есть, конечно, свои шулера. Возьмем хоть бы такой пример. Первое дело, в котором я должен был участвовать, всецело зависело от Варташевского. Кто его не знал? Молодой бог! Силач, красавец, полковник двадцати трех лет, первый летчик... Успех следовал ему везде — покоренный мир под ногами, неисчислимые победы над воздушным океаном, над капризами летающих машин, над душами подчиненных и товарищей, над сердцами женщин. И среди павших к его ногам... Мария Диаман! Слышали? Еще бы! Опереточная актриса, красавица, сводившая с ума американских миллиардеров, экзотических принцев, французских аристократов и немецких философов. Недурно? Так вот, она стала возлюбленной Варташевского... Двадцать три года, жизнь, молодость, счастье, двойная слава... Тут-то все и случилось. Ночью я приехал к нему. Условенный знак был — стук в дверь.

Михаил Иванович показал: согнув указательный палец, он стукнул о дверь. И в тот же миг с другой стороны в ту же дверцу раздался тоже стук. Я вздрогнул. Хозяин раскрыл глаза. Сутулый адвокат приподнялся и покинул стеганое кресло.

Вошла хозяйка. Нас звали ужинать.

— Ты прервала нас на самом интересном месте, — сказал с улыбкой Любарский, обращаясь к жене.

Михаил Иванович выпрямился, сдвинул каблуки, поклонился, и снова его лицо приняло непроницаемое выражение.

— Любопытно, — протянул полный инженер. — Замечательно!.. Именно — «сверхчеловечно»...

Глава 2

ОБЫСК

ПОУЖИНАЛИ БЫСТРО И молча. Мы ели не торопясь, но уже в одиннадцать пожали друг другу руки в передней. Беседа, начавшаяся в кабинете, была прервана. Вероятно, хозяин не хотел ее продолжать в присутствии жены и бонны.

Мы вышли на улицу. Зимняя ночь была тиха. Свет луны струился по белой улице. Я отправился с Михаилом Ивановичем. Нам было по пути в сторону вокзала. Мне не терпелось услышать продолжение рассказа. Тема, затронутая в кабинете, ее таинственность, ее мрачность, новизна взволновали меня. Я предложил своему спутнику:

— Еще не так поздно. Может быть, зайдем ко мне? Михаил Иванович согласился.

Вскоре мы сидели друг против друга, пили чай и говорили все о том же — о том, что так раздражило и взбудоражило мой интерес.

— Видите ли, стать котрразведчиком не так-то просто. Чтоб решиться на такие дела, нужна подготовка, — медленно говорил он. — Но главное, нужна организация. В одиночку ничего нельзя сделать. Здесь требуются сеть, связи, чувство поддержки, круговая порука единомышленников. И, конечно, тренировка! Вы спрашиваете,

как я попал в эту систему? Это произошло случайно. В сущности, почти всегда так и происходит. Никто не родится контрразведчиком. Эта деятельность требует больших сноровок. Но я хорошо помню свой первый шаг. Это была вовсе не контрразведка. Да, это была белая организация, если хотите точнее — офицерский союз. Кто стоял во главе, я не знал. Но центральные руководители известны были и мне. Словом, в один прекрасный день я получил назначение. Мне было приказано, во что бы то ни стало, попасть в петроградскую милицию и по возможности занять там видное положение...

Михаил Иванович задумался. Его глаза прищурились. Казалось, он в эту минуту вызывает в памяти какие-то неясные и жуткие картины.

— Да, представьте себе, мне это удалось. В участке Московского района я стал чем-то вроде милицейского «околоточного». Ну, скажу вам, и службочка! Во-первых, грязь. Грязь всеобщая, исключительная, повальная. Грязь на стенах, в камерах, на полу, на столах, и дела там творились грязные. Ах, что там говорить о взятках! На это никто даже внимания не обращал. Брали все, со всех и за все. Но вот что было особенно невыносимо тяжело — обыски. Ко всему можно привыкнуть, но только не к этому. Удивительно подлое ощущение! И вот, бывало, дежуришь. Ночь... душный, промозглый, кислый запах сапожной кожи, водочного перегара, гнили и сырости... горьковатый вкус во рту и тяжесть в голове. Скверные были ночи! И почти каждый раз около часу звонок из ЧК:

— Дежурный?

— Да!

— Возьмите наряд, отправьтесь на Владимирскую улицу, № 6. Там, в квартире бывшего адмирала, произведете обыск, а его самого арестуете!

Телефон умолкает. И тут начинается рискованная игра. Ясно: ищут при обыске компрометирующих

документов. Значит — свой! А раз свой, надо спасать. И вовсе не по доброте душевной. Нет, просто потому, что среди бумаг могут натолкнуться на такую, которая раскроет всю организацию. Вы понимаете, что всех членов союза никто из нас не может знать. А что если вдруг адмирал законспирирован и состоит у нас? Надеваю шапку, обхожу комнаты участка: слава Богу, все спят! Тогда медленно выхожу на двор, потом на улицу, будто проветриться... Жутко... Оглядываешься по сторонам и быстрым шагом, почти бегом — на Владимирскую, в шестой номер. Подходишь и чувствуешь, как бьется сердце. Хорошо если ворота открыты и не нужно вызывать звонком дворника. Ну а что если они заперты? Будить дворника, идти наверх, потом опять выходить и через полчаса явиться с нарядом и опять звонить, вызывать, входить — немыслимо! Это значит — породить самые основательные подозрения. Вы знаете, что никто никому не верил. Доносчик виделся в каждом, тем более в дворнике. Пробую калитку. Повезло — она открыта! Лечу наверх, стучу. Ответа нет. Начинаю звонить — молчание! Снова стучу... Наконец, шаги. Женский голос спрашивает:

— Кто там?

— Отворите! Дежурный из милиции...

Слышу звяк цепочки, поворот ключа, дверь открывается. Со стучащим сердцем смотрю: передо мной — молодая женщина в пеньюаре. Захлопываю за собой дверь, наклоняюсь к ее уху и быстро:

— Молчите, не бойтесь! Успокойтесь!

И затем сразу:

— Адмирал дома?

У женщины — испуганные глаза, ее руки дрожат, тяжело поднимается грудь, раздвигая кружева разреза. Пресекающимся голосом, вот-вот готовая упасть в обморок, она отвечает:

— Его здесь нет.

— Укажите его комнату!

— Вот!

Вхожу. Темно.

— Зажгите свет!

Она поворачивает выключатель. Тогда я закрываю комнату и беру ее за руку. Она вздрагивает. Ее взгляд как у помешанной, она отклоняется назад. Я раздражаюсь:

— Да поймите же наконец, что я пришел вас предупредить. Через полчаса у вас будет обыск. Ясно? Я приду с нарядом милиции. Сейчас же уничтожьте все бумаги! Если адмирал дома, пусть сейчас же скроется!

— Его нет!

Она говорит эти слова, а я вижу, чувствую, ощущаю, что она не доверяет мне, хочет верить и не верит, хочет и не может, а ее лицо то заливадается ярким румянцем, то бледнеет почти смертельно, и в глазах все то же — оскорбительный и неразрешимый вопрос:

«Друг или предатель, погубит или спасет?»

Тогда я беру ее руку, подношу к губам и говорю еще раз:

— Успокойтесь и благодарите Бога!

И она сразу успокаивается. Когда она открывает мне наружную дверь, ее губы тихо шепчут:

— Спасибо, спасибо!

Ее голова чуть-чуть откинулась назад, она стыдливо закрывает обнажившийся верх груди, ее лицо озаряется улыбкой, в эту минуту она кажется восхитительной, счастливой и такой покорной в своей признательности, как может быть только спасенная женщина.

Я бегу в участок, в душе — сомнения и тревога: не проснулись ли, не замечено ли мое отсутствие? Но — ничего! Все спят. Я сажусь за стол. Мне надо выждать, пока в доме адмирала приготовятся к моему обыску. Смотрю на часы: половина третьего. Я встаю, бужу людей, и мы идем. Дом окружен. Оглушительно звоним дворнику. Он медлит и когда, наконец, появляется, я кричу на него злым, начальническим голосом:

— Спи́те! Э́так и сво́ю сво́боду проспите... Позвать председателя домового комитета!

Дворник приводит заспанного председателя.

— Проведите в квартиру № 3... Покажите, где чер-
ный ход!

Снаружи, внизу лестницы, у парадных дверей, у входа в кухню я расставляю людей с винтовками.

— Никого не выпускать, а всех приходящих аресто-
вывать!

Наконец, все сделано. Я снова с силой даю на кнопку звонка, начинаю колотить кулаком в дверь и тотчас же слышу быстрые, легкие шаги. Нам отворяют. В раме двери я вижу все ту же женщину с золотыми волосами. Она в том же пеньюаре, но теперь он застегнут наглухо. Быстрым взглядом я окидываю ее фигуру, ее лицо и замечаю только небольшое, еле зримое волнение.

«Милая», — говорю я мысленно и громко кричу:

— Здесь живет адмирал Н.? Извольте сейчас же предъявить его!

Женщина отвечает, как и тогда:

— Его нет.

Конечно, его теперь нет! Конечно! Это я знаю лучше, чем она, но я продолжаю все тем же повелительным и грозным тоном:

— Ах, нет? Вы говорите: нет? Хорошо! Но если мы его найдем, и вы и он будете немедленно отправлены на Гороховую... понятно?

Я знал, что в эту минуту женщина верит мне, она убеждена в том, что я играю, что мой голос, и этот угрожающий тон, и эти пугающие слова не предвещают никакой опасности, и все-таки она волнуется. Мне было досадно, мне хотелось сказать вслух это слово: «милая», — но я был связан, в моей силе и власти я чувствовал себя самым беспомощным человеком на свете, и я продолжил:

— Покажите его комнату! Приступить к обыску!

И вот мы обходим всю квартиру. Мы распахиваем шкафы, мы выворачиваем ящики комодов, шарим в столах, перетряхиваем бумаги.

Нахмутив брови, важно откинув голову, я читаю какие-то глупые счета. Женщина следует за нами. Но вот она отстала, замешкалась в соседней комнате, и оттуда вдруг доносится ее крик. Я бросаюсь туда и вижу, как она высвобождается из рук моего милиционера. И, развернувшись, со всей силой моей злобы, ненависти, накопившегося гнева и нечеловеческого презрения я бью мерзавца по лицу. При этом я кричу:

— Подрываешь доверие народа к советской власти!

Через минуту мы выходим из квартиры, я оборачиваюсь в последний раз, и на меня смотрят благодарные глаза.

В участке я соединяюсь по телефону с ЧК:

— Попросите дежурного!

И, когда он подходит, я ему докладываю:

— Обыск произвел. Документы изъяты. Адмирала нет.

Глава 3

УБИЙСТВО ТОМАШЕВСКОГО

ПОЧЕМУ ЛЮДИ СБЛИЖАЮТСЯ? Как разгадать тайну доверия? Почему можно говорить с одним и не говорить с другим? Я сказал Михаилу Ивановичу:

— Чем я заслужил вашу откровенность?

Он посмотрел на меня внимательно, прищурил левый глаз, опять на миг нервно дрогнула его левая щека. Он загадочно и хитро улыбнулся.

— Ну, а как вы думаете? Считаете, все эти «переделки» и риски не учат? Знание чужих тайн дарует понимание человеческой души. Вы верите — вам верят. Да и что скрывать?..

— А все-таки... Почем знать? Тайна должна всегда сохраняться в запертом месте.

— Теперь это уже не тайна.

— Но вы называете фамилии...

— Это — имена погибших. Их больше нет на свете.

Я взглянул на его руки. Это были сильные и крепкие, железные руки, и, казалось, все время они дрожали непрерывной дрожью. Без сомнения, этого человека не раз искушали, а он не купился, он не раз рисковал, испытывал жестокие разочарования, вел свирепую борьбу с самим собой, побеждая собственные гордость, страх и совесть. Жуткий человек. Еще

мне вновь пришла мысль о том, что он не раз убивал. Я спросил его в лоб:

— Убивали? — тихо спросил я.

Он помолчал несколько секунд. Поднял на меня взгляд стальных глаз и твердо ответил:

— Да.

— А того летчика, двадцатитрехлетнего Варташевского? Ну, этого молодого бога, любовника опереточной Диаман...

На его лице проступила надменная улыбка. Ответ был ясен. Конечно, он убил его! Можно было не задавать дальнейших вопросов.

— Вы куда-то спешите? — холодно и медлительно спросил он. В его голосе мне почудилась повелевающая сила. Поспешив ответить, я услышал, что не говорю, а извиняюсь:

— Простите! Я перебил вас. Это так интересно... то, что вы рассказываете. В самом деле, порядок необходим. Мне любопытно... Но вы сами понимаете, что я — не разведчик и не дознаватель... Продолжайте, пожалуйста...

— Знаете, мне и самому хотелось кому-то выговориться... Бывают такие минуты... Наша совесть похожа на зверя. Вам известно, что хищник возвращается на то место, где была пролита его кровь, чтобы еелизнуть. Так и я. Ну что ж? На чем мы остановились?.. Да... На том, как я был околоточным большевиков... Так вот...

— И долго вы занимали эту должность?

— Нет, долго там нельзя было оставаться. Если каждый значительный обыск безрезультатен, то вы сами понимаете... Но дело в том, что нельзя было добровольно уйти. Вообще, в этих делах нет ни доброй, ни злой воли. Есть одно: дисциплина. Снимут — уйду, оставят — работаю. Пошлют — слушаюсь! Жертва — беспрекословность — повиновение. Никаких разговоров! И, знаете, в этом есть своя прелесть и красота. Пассивность? Нет. Совестно про себя и про свое дело так говорить, но решусь сказать: в этом был героизм самоотвержения. Что дальше?

А дальше просто. Опять ночь, дежурство и этот страшный, заставляющий вздрагивать звонок — телефон, но на этот раз уже не из ЧК:

— Михаил Иванович Зверев?

Неожиданно! Так раньше меня никто не спрашивал.

— Я.

— Снимайтесь немедленно!

— То есть как?

— А просто так. Надевайте шапку и уходите. Отправляйтесь на квартиру. Там соберите все, что вас может компрометировать, и сейчас же на Сергиевскую, номер двадцать, квартира семь. Скажите, что пришли от Григоровиуса. К хозяину квартиры обращайтесь по имени и отчеству такому: Феофилакт Алексеевич. Вам откроет дверь человек с черной бородой и в роговых очках. Ему верить.

Встаю. Около меня в двух шагах на скамейке сидел милиционер. Я его знал. Это — заядлый и преданнейший своему делу большевик. Шпионит за всеми. Иногда я ловил его косой, подозрительный и злой взгляд. В участке он единственный, подозревающий правду, единственный инстинктивно чувствующий во мне врага. Как уйти? Тогда я сказал ему:

— Томашевский, сделайте услугу товарищу, сходите в аптеку, купите мне валериановых капель. От этих бессонных ночей сердце ломит. Трудная штука революция. Нелегко нам с вами насаждать советскую правду. Я не побеспокоил бы вас, но вы сами видите: каждую минуту меня могут вызвать к телефону.

Удивительно! Томашевский соглашается сразу.

— А что ж, товарищ, с удовольствием! — ответил он глухим голосом.

Он поднялся и ушел. Я достал часы и стал отсчитывать секунды. Вот он проходит коридор — минута. Выходит во двор, проходит к воротам — минута. Идет налево — надо выждать, по крайней мере, пять минут: а вдруг он оглянется? Наконец проходит семь минут.

Я поднялся, надел шапку. Когда я подошел к воротам, переступил через их нижние перила, вдруг, пораженный, в ужасе, в ошеломлении, поверженный неожиданностью, услышал знакомый и глухой, враждебный и торжествующий голос Томашевского:

— Стой!

Мысли понеслись в огненном круговороте. Передо мной маячило злобное лицо хищника, поймавшего жертву. Жертва — это я. Полный ненависти взгляд Томашевского. Тогда я отступил, но всего на шаг. Шелкнула кожа кобуры, два револьвера одновременно взметнулись в воздухе. Дуэль в духе Дикого Запада. Но я оказался быстрее и выстрелил первым. Томашевский был убит. Он рухнул на брусчатку с глухим стоном поверженного зверя.

— Сволочь! — прорычал я, ощущая, как ненависть разрывает мне грудь, весь сжавшись в одну крепкую, нервную, неразгибающуюся пружину. Стиснув зубы, я вылетел на улицу. А мысли неслись, словно на карусели:

«Спокойствие! Спокойствие, Михаил Иванович! Умерьте ваше дыхание! Тише! Ровнее шаг. Раз-два-три-четыре. Тверже ставьте ногу! Нет, носок тянуть не нужно, не на параде. И где ж ваше мужество? А что если выстрел всех перебудил? Сейчас начнется погоня...

Свернул на Невский. Извозчик! Сел:

— Сергиевская, двадцать.

— Товарищ...

— Без разговоров! Вы везете милиционера по приказанию чрезвычайной комиссии.

И вот мы уже у подъезда. Сюю извозчику деньги. Он благодарен и удивлен, хлещет лошадь, отъезжает, я вглядываюсь в задок и запоминаю: номер легкий — 113. Надо запомнить! В этой жизни надо все запоминать.

Меня встретил человек с черной бородкой и в роговых очках. Он спокойно вынул руку из кармана брюк, протянул мне и сказал:

— Так скоро я вас не ожидал.

— Я прямо к вам.

— Значит, не заезжали домой? Не уничтожили ненужного? Это скверно. Надо делать то, что приказано.

— Я натолкнулся на живое препятствие, должен был его устранить и спастись.

— Да... Это большое осложнение. У вас на квартире есть важные документы?

— Никаких.

— Ну, в таком случае все в порядке.

Мы садимся. Я спрашиваю:

— Почему меня сняли с задания?

— Вы раскрыты. Во всяком случае, вас заподозрили...

— Откуда вам это известно?

Его ответ буквально оглушил меня.

— Из ЧК.

— Что же будет дальше? — поинтересовался я.

— Сейчас я вам дам новый паспорт. Будьте добры выучить его наизусть. С этих пор забудьте ваше имя, отчество и фамилию. Тренируйтесь на том, чтобы не откликаться ни на одно из трех слов. Для вас во всем мире больше не существует ни Михаила, ни Ивановича, ни Зверева. Поняли? Повторите!

И я повторяю:

— Для меня в мире больше не существует ни Михаила, ни Ивановича, ни Зверева.

И прибавляю, ударяя на каждом звуке:

— Таких слов нет.

Чернобородый Феофилакт Алексеевич ведет меня в соседнюю комнату, зажигает огонь, указывает на кровать:

— Переночуете здесь.

Мы прощаемся. На пороге он обращивается ко мне:

— Завтра вы получите новое назначение.

Глава 4

СЕКРЕТНЫЙ АГЕНТ ШТАБА

— КОТОРЫЙ ЧАС?

— Еще нет часа. Рано. Вам некуда торопиться. Ваш рассказ так интересен.

— Все равно, сегодня его не закончить... Да и вообще, если все перетряхнуть в памяти, то хватит надолго. Вы понимаете, что тут важны не только факты, но и переживания... Но продолжу рассказ...

КОГДА ПТИЦА БЬЕТСЯ в западне, что занимает наблюдателя: западня или усилия птицы? Так вот... В эту ночь я перешел на нелегального существование. Михаил Иванович Зверев умер, и вместо него появился на свет человек с тремя «р» — Владимир Владимирович Брыкин. Запоминается тоже легко.

Странная вещь! Ведь не слова же делают человека, и не в случайном имени заключена тайна и суть его жизни. А вот подите: пока я был Михаилом Ивановичем, все казалось на своем месте. Но стал Владимиром Владимировичем — и в душе родилось какое-то новое ощущение. С этих пор я стал чувствовать себя, как на маскараде. Я и в то же время не я. Вот пойду я по улице, встречу знакомого... Я должен поклониться или

пройти мимо, сделав вид, что никого не заметил? Это будет глупо и удивительно, потому что с этим человеком был знаком Михаил Иванович — Владимир же Владимирович его не знает, он никогда его не встречал, Владимир Владимирович ему никогда не был представлен, он — новое, только что рожденное лицо, и теперь все, что знал, имел, любил и помнил капитан Зверев, потеряно навсегда. Все это умерло...

На Сергиевской я провел бессонную ночь. Убийство, новая квартира, незнакомый человек с бородой, в роговых очках, чужая комната, чужая кровать, а наутро новое назначение... Какое? Я шел в неизвестность с новым именем, новый человек для неведомых дел. Какой тут сон!

Утром Феофилакт Алексеевич позвал меня к чаю.

— Ну как? Ознакомились с вашим новым документом? Усвойте его твердо! А теперь, Владимир Владимирович, вы должны отправиться в главный штаб...

— На Морскую?

— Нет, на Невский. Рядом с магазином главного штаба — ворота. Подниметесь на последний этаж. На двери увидите: «Информационное бюро. Отдел печати». Войдете и вызовете Леонтьева. Когда он назовет свое имя, вручите ему эту карточку. Вы становитесь секретным агентом и будете командированы в Финляндию... Ну, вот и все... Впрочем, нет. Чуть не забыл. Торгуйтесь и требуйте оплаты в настоящей валюте. С Богом!

Мы попрощались. На визитной карточке стояло: «Адольф Христианович Гарф». У меня мелькнула тревожная мысль: «А если меня спросят что-нибудь об этом таинственном Гарфе? Кто он? Брюнет? Блондин? Старый? Молодой? И потом: что за человек этот чернобородый Феофилакт Алексеевич — человек без фамилии, незнакомец, ни разу не назвавший себя? Неясно мне было и другое: что это за «настоящая валюта»? Но размышлять поздно. Обратного пути нет. Ничего нет! Нет даже самого капитана Зверева. Теперь в мире существует только убийца

Томашевского, скрывающийся под именем Брыкина.

И тотчас же внутренний голос спросил:

«А если бы не это, ты не пошел бы, не исполнил, нарушил слово?»

«Пошел бы — непременно», — прозвучал твердый ответ.

ОТКРЫВ ДВЕРЬ ПОДЪЕЗДА, я поднялся по лестнице. На площадке — двое в пулеметных лентах:

— Куда?

— В информационное бюро.

Меня внимательно оглядели:

— Хорошо. Идите, но назад не выпустим.

Наконец, распахнул дверь в отдел печати. Дорогу заступил огромный швейцар.

— К кому?

— Мне нужно увидеть Леонтьева.

— Вот приемная.

Странная комната! В ней — три окна, четыре двери, но нет ни стола, ни стула. Ждал я недолго. Откуда-то сзади раздался голос:

— Что угодно?

— Нужно видеть Леонтьева.

— Это я.

Я был поражен. Передо мной стоял человек с перекосенным от злобы лицом. Его тяжелый, напряженный взгляд скользил по мне сверху вниз и назад. На поясе Леонтьева как влитые сидели две револьверных кобуры. Я вручил карточку. Лицо незнакомца расплылось в широкой улыбке:

— Рекомендация хороша. Сейчас я позову товарища комиссара.

Он ушел, а через минуту появился из другой двери вместе с человеком в кожаном костюме.

— Мешкать нельзя, — объявил комиссар.

И меня вывели в левую, третью дверь. Проходя через комнату, я почувствовал, как из угла на меня

внимательно, зорко и неподвижно уставился чей-то взгляд. Поднял взгляд и увидел морского офицера. Но мы, не задерживаясь, шли дальше.

— Вот здесь, — наконец объявил Леонтьев. — Садитесь!..

Стены были завешаны картами. На них то там, то здесь синим или красным карандашом были начертаны круги.

— Куда же вас направить? — задумчиво произносит комиссар. — Какие языки вы знаете?

— Немецкий, французский... — не задумываясь ответил я. И вдруг неожиданно для себя добавил: — И немного финский.

Комиссар — блондин со светлыми синими глазами. Еще раз взглянув на него, я спохватился: «А вдруг он сам — финн?»

Но комиссар был обрадован.

— Это хорошо. Тогда вас нужно командировать в Финляндию. Жаль, что с вашим знанием языков приходится давать такое поручение, но раз вы понимаете по-фински...

И вот мне объяснили, что я должен делать.

— На пограничном пункте вас переправят в Финляндию. Кто... Все узнаете в свое время. Вы должны явиться к Лайконену, адрес — вот. Задание ваше пока несложное: вы должны связаться с организацией красных финнов, а для этого явитесь к нашему резиденту Никольсону. Как и когда — вам скажут потом. Все ли вам понятно?

— Все.

— Теперь вы должны пойти фотографироваться и представить нам три фотографических карточки.

Леонтьев дает мне адрес фотографа и пропуск. Через час я снова очутился в той же комнате, обитой картами. И тут начинается торг. Мне давали 4000 финскими, одну тысячу думскими и одну тысячу фальшивых финских бумажек. Я решительно заявляю:

— Нет. Я хочу получить десять тысяч финских марок. Притом настоящих.

Я произнес слово «настоящих», и мгновенно мне вспомнилось наставление Феофилакта Алексеевича. Так вот что значит «настоящая» валюта! Уступают не сразу. Комиссар старается сбить фальшивые. Я упираюсь. Тогда он начинает навязывать думские. Но и думских я не беру. Наконец, я решительно заявляю:

— Когда речь идет об интересах рабоче-крестьянской власти, надо быть во всеоружии не только веры в ее дело, но и использовать все средства для достижения нашей цели. Я не верю ни в фальшивые финские, ни в думские. Десять тысяч в настоящей валюте!

И комиссар соглашается:

— Девять тысяч финских и одна — думская.

— Пусть!

Через минуту у меня — деньги и готовое удостоверение. В нем:

Всем представителям рабоче-крестьянской власти и ее учреждениям предписывается всесторонне и всемерно оказывать содействие служащему главного штаба Владимиру Владимировичу Брыкину.

Я ушел. Меня сопровождал Леонтьев. Мы прошли через соседнюю комнату, на меня опять пристально уставился таинственный морской офицер. Через четвертую боковую дверь мы попали в знакомую мне пустую комнату без мебели. Леонтьев наклоняется к моему уху.

— Будьте милым, привезите из Финляндии башмачки моей восьмилетней девочке, — а потом еще тише: — Лайконен — наш. Это князь Чарвадзе. Помогите вам Господь!

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ я уже был у князя. Он казался обворожительным. Мне нравится его спокойный и уверенный тон.

— Ваша фамилия? — поинтересовался он.

— Брыкин.

— Неправда!

Я молчал. Тогда он подошел к столу, выдвинул ящик и принес мне две моих фотографии.

— Михаил Иванович Зверев, — сознался я.

Я сам удивился, что существую, что на свете есть еще Михаил Иванович. В эту минуту Чарвадзе мне показался особенно близким, почти родным, единственным человеком в мире, в присутствии которого я еще оставался прежним, подлинным, настоящим, а не поддельным, фальшивым, выдуманным лицом в маске, с так чуждо звучащим для меня именем «Брыкин».

БЫЛ ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР. Мы сидели вдвоем. Ночью я должен был ехать. Под утро красный финн переправит меня на тот берег.

— А этого финна — опасайтесь! Это — ихний. Ни одного лишнего слова!

Наконец, часы пробили двенадцать. Я встал, мы попрощались, я вышел на двор, обошел забор. В темноте я с трудом видел лошадей. В последний раз оглядываюсь на огни дома.

БЫСТРО МЧАЛИ МЕНЯ маленькие, крепкие, сытые кони. На пустынном небе, застыв, сверкала единственная звезда. Огненными стрелами взлетали и гасли мысли. Но на сердце было спокойно. Будь что будет!

Только временами по телу пробегала дрожь. Должно быть, нервная.

Финн нахлестывал лошадей. Бег стал быстрее. Мы подскакивали на ухабах, и в тот же миг мой мозг пронзывает подлый и хищный оклик: «Стой!» Это я задремал, и у меня случилась слуховая галлюцинация. Позавчера так крикнул в воротах убитый Томашевский.

Глава 5

ИСПЫТАНИЕ

— АХ!

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ПОТУХЛО.

— Зажгите свет!

Даже в темноте я почувствовал, как Зверев вздрогнул.

— Сейчас зажгут! У меня это бывает часто.

Комната осветилась.

— Простите! Но я так привык к этим странным сигналам.

— А! Я понимаю. Оцепленный район? Было?

— Не торопите! Все было... Да, так об этом... Ночь памятна. Конечно, это была только слуховая галлюцинация. Прошло... Так на чем мы остановились? Ясная даль, ясная мысль.

Но кто же ехал со мной? Кто он, который везет меня... куда?

— КТО ВЫ? — спросил я.

Мне улыбнулись. Потом мой попутчик рассмеялся легко:

— Я — адъютант Рахии.

Боже мой! Рахия! Страшное имя! Я знал его. Кроважадный, навсегда ожесточенный кем-то и чем-то,

озлобленный на весь мир, дерзкий хищник, Рахия! Это — его адъютант! И я ехал с ним. Сердце сжимал страх. Неслышно скрипели мои зубы. Вот кому меня передали. Но сдержанность! «Брыкин», успокойся! Молчи, сердце! Владимир Владимирович, улыбнись!

В голове мелькали странные мысли, вставали безумные сопоставления:

«У меня на козлах — Дзержинский. Не наш, так их — финский».

Меня везли... Куда? Возница — адъютант Рахии — обернулся ко мне:

— Ну, а вы кто?

А сам улыбается.

— Ну, кто я?.. Известно: большевик!

Он улыбнулся еще шире. О, эта улыбка! Как хорошо было бы сейчас в этой снеговой пустыне прикончить этого человека, и не будет ни следа, ни воспоминаний и даже угрызений совести. Тогда я уговаривал сам себя: «Михаил Иванович, вам это не в первый раз? Вы уже убили? В чем дело? Выньте револьвер! Но нет! Приказ, повиновение, дисциплина, назначение!»

А сани разрезали белый, пушистый снег. Полозья не скрипели: таким легким был ход саней. И мыслей никаких не было. Мы летели по берегу, вдоль границы, по болотам. Вот и река Сестра. Какая пустынная местность! Какая белизна! Наконец, пограничный пункт. Он называется Рауту. Это слово для меня не ново: оно было указано князем. Останавливаемся. Я говорю про себя:

«Слава Богу!»

Увы, преждевременно. Путь далек. Мы мчимся дальше. Наконец... Приехали. Никогда не забуду этих минут.

Нас встретил сам комендант Котка! Замечательный человек. Высокий блондин. Синие металлические глаза. В каждой черте — решимость. Я вылез из саней. Он оглядывает меня с головы до ног.

— А! Наш!

И в тот же самый миг двое подвели белокурого человека.

Адъютант Рахии вылез из саней и встал рядом со мной. Он едва сдерживал смех. Удивительно! Что смешного? Оказывается, это двое финских красногвардейцев поймали белого финна. Он стоял, и на его лице была написана одна равнодушная готовность умереть. Губы плотно сжаты. Голова высоко поднята. По-моему, шапка сидела на нем немного нескладно. Этому человеку не надо смотреться в зеркало!.. Перед смертью никто не смотрится в это страшное стекло! Он знает, что через несколько минут его голова разлетится вдребезги.

Металлический и спокойный Котка подошел к пленному вплотную. Я напрягся, следя за каждым его движением. Наконец, я не выдержал, обратился к моему вознице, адъютанту страшного Рахии.

— Будьте добры, переведите мне все, что будет говорить товарищ Котка.

Он дружелюбно потрепал меня по плечу:

— С удовольствием! А любопытно?

Мне пришлось собрать все свои силы — ни один мускул моего лица не дрогнул, — а потом, изобразив улыбку, я проговорил:

— Думаю, интересно! Смерть врагов — наша цель. Ха! Чем меньше будет их, тем больше нас.

И сразу вздрогнул. Вздрогнул из-за лжи, внутреннего беспокойства и от неожиданного окрика — Котка потребовал:

— Револьвер!

Я боялся, что мои нервы не выдержат. Неужели это случится при мне? Но ничего нельзя было сделать. Я не мог схватить за руку этого страшного человека. Если бы сразу встал, сжал его горло, смял и, подняв его револьвер, расстрелял весь барабан ему в голову, в сердце, в живот, потому что я знал: это — смертельные раны. Я знал.

Но — нет! Я молчал. Напряженный, исступленный, взбешенный и в то же время покорный, выдавливая сочувствие на лице, я вдруг почувствовал на себе целеустремленный, стальной взгляд Котки.

— Ха, так ты — белый? — И приказал: — Лицом ко мне! Затылком в стенку!

Картина маслом: неподвижность, точность штриха. Белый финн — у стены. На мгновение мне показалось, что он старается вдавить заднюю часть своего черепа в белую каменную стенку. Всем сердцем, всем напряжением моих нервов, моей бедной любовью и теми остатками героизма, которые всегда теплятся в человеческой душе, я хотел, я желал броситься вперед и спасти его, заслонить, вырвать этого человека из рук проклятой и подлой смерти.

Раздался выстрел.

Не прямо, а вкось. В этот миг я поймал себя на трусости... Я замер, оглушенный, уставившись на белофинна. «Слава Богу!» Пуля пронеслась около виска. «Случайность?» Но в этот момент Котка стреляет второй раз. Пуля пролетает над головой белого финна. Третий, четвертый, пятый выстрел. Каждый раз я сам прощаюсь с жизнью... Я сам прощаюсь с жизнью.

Мы живы оба — и я, и он, — и только окружность из пуль обрамляет гордо закинутую, ни разу не дрогнувшую голову пленника. Светлые глаза глядят смело и вызывающе. Два барабана расстреляны. Котка требует третий револьвер. Аджютант Рахии смеется... Браунинг подан. Еще раз я внутренне содрогаюсь.

Раздается выстрел... Темно-синяя густота, в которой я читаю ненависть, оскорбленность и последнюю решимость, этот взгляд обезумевшего палача останавливается на мне. Секунда... Наши взгляды встретились. Отвожу свой, опускаю голову. Мне страшно, больно и обидно...

Но нужно держать себя в руках! Молчать! Тихо! А может быть, убить? Так просто: выхватить револьвер,

и никакого Котки больше не будет! Да! Но рядом — адъютант, в соседней комнате — красногвардейцы...

«Михаил Иванович, держите себя в руках! Михаил Иванович, спокойно!»

...Трах!

Мысли, чувства, надежды, весь пламенный круг, очерченный мстью, бездной и мужской силой, пролетают в один миг. Вновь произнесено неизвестное слово.

Хохочущий адъютант Рахии переводит:

— Направо!

И я вижу, как белый финн повернулся:

— Раз-два!

Щелкнул каблуками. Все та же запрокинутая голова, надменные черты, он совершенно спокоен. Белый финн теперь стоит к нам в профиль.

...Трах!

Раздается выстрел. Мельком смотрю. Котка напряжен. Сквозь рукав я ощущаю острие локтя, упор для верной стрельбы.

«Кончено!» — говорю я про себя. Одна, другая, третья, четвертая, пятая — пули ложатся зигзагом, вычерчивая профиль человека, приготовившегося к смерти.

Вдруг резким движением Котка отшвырнул револьвер. Тот, отлетев, ударился о стену. Из уст Котки вылетает:

— Ох!

Белый финн недвижим. Убит? Оглушен? Издевается?

«О, чудо!» — хочу я крикнуть.

Но тут Котка обращается к белому финну:

— Ступай! Но на советскую границу не пущу. Вернись к нам! Вы ваше спасение. И запомни: отныне твой Бог — страшный Котка. Расскажи своим белым мерзавцам о том, как хорошо стреляет Котка...

Потом он позвал красногвардейца. Короткий приплюснутый нос под огромной меховой шапкой, пустые глаза. Котка заговорил с ним на неизвестном мне языке. По-фински?

— Что же он сказал? — спросил я у адъютанта Рахьи.

— Котка сказал: перевести к нашим так, чтобы навек забыл все.

Что это значит? Мне не надо долго задумываться над этим вопросом. Через несколько минут я слышу выстрел. Нужно ли было так долго мучить человека, вычерчивая его череп, его голову, его профиль с такой беспощадной меткостью?

«Прощай, гордый солдат! Прощай, смелая душа! Прощай, герой! Я тебя не защитил, я не спас тебя. Да будет проклято мое имя!»

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕТР ПИЛЬСКИЙ

ТАЙНА И КРОВЬ (роман)5

НИКОЛАЙ ШЕБУЕВ

В СЕТЯХ ШПИОНАЖА (роман)193

Часть первая. Роман бонночки194

Часть вторая. Гипноз или страсть252

Часть третья. Хищники разлетелись302

БОРИС ОЛИДОРТ

**САКВОЯЖ ИЗ
КРОКОДИЛОВОЙ КОЖИ** (роман)333

Часть первая. Тайна пряди волос334

Часть вторая. Браслет танцовщицы357

Часть третья. Пассажир каюты №16381

Часть четвертая. Жертвы Эддисон-коттеджа409

Литературно-художественное издание

РУССКИЕ ПИНКЕРТОНЫ
(Сборник шпионских романов)

Редактор А. Соловьев
Корректор А. Фильмонова
Компьютерная верстка Н. Лаптева
Дизайнер обложки А. Соловьева

Подписано в печать 3.10.2019. Формат 84×108/32

Печ. л. 15. Гарнитура «Bookman Old»

Тираж 1000 экз. Заказ

ИД «Городец-Флюид»
105318, Москва, ул. Ибрагимова, д. 31, кор. 4А
тел. +7 (985) 8000 366
www.gorodets.ru
e-mail: info@gorodets.ru

Интернет-магазин www.gorodets.ru